Текст · 31 мая 2023, 08:32
Софья Романова,

«Оглянись, позади тебя — Нельмин-Нос, не вздумай отступать». Как жители заполярной тундры объясняют себе гибель сыновей и братьев на войне в Украине

Софья Романова рассказывает истории троих ненцев из далеких поселков на побережье Северного Ледовитого океана: добровольца, заключенного-вагнеровца и мобилизованного, двое из которых уже погибли, а третий получил контузию, но после госпиталя снова попал на фронт.

«Я другу пообещал, что на войну поеду». Василий

«Еще молимся о упокоении души усопшего раба Божьего воина Василия, и о еже проститися ему всякому прегрешению, вольному же и невольному, — выводит священник. — Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй».

29 марта в деревянном Богоявленском соборе в центре Нарьян-Мара отпевают 35-летнего ненца Василия Тайбарея, погибшего на войне в Украине. Вокруг закрытого деревянного гроба полукругом стоят несколько человек, в центре — щуплый седой мужчина в очках.

Это Михаил Тайбарей.

В декабре прошлого года его сын Василий ушел воевать добровольцем, в феврале попал на фронт, а 9 марта погиб.

Детско-юношеский центр «Лидер» в Нарьян-Маре. Фото: Аюна Шагдурова / Медиазона

Священник произносит проповедь:

— И вот, дорогие братья и сестры, каждый раз, когда я стою на чине отпевания воинов, я прекрасно понимаю, что это те люди, которые действительно смогли *полюбить*, исполнили заповедь, которую дал Господь. Они захотели сами отдать свою жизнь, добровольно, за нас с вами. Сейчас не самое простое время мы с вами переживаем. Если я понимаю, что могу пойти защищать страну, я должен пойти. Если я понимаю, что могу помочь финансово солдатам, я тоже должен это сделать. Любовь воина Василия выразилась в том, что он отдал свою жизнь, и мы с вами должны быть благодарны воину Василию и Богу — за то, что такой человек появился.

Потом он понижает голос и наставляет отца погибшего:

— Я вам даю мешочек, получается, с землей освященной. Нужно будет этот мешочек разорвать и высыпать в могилу, когда гроб опустят...

— А-а, — неопределенно отзывается Михаил.

Собравшиеся обступают гроб.

— Все, дорогие братья и сестры, подходите прощайтесь к гробу, и можно будет уже, как бы… нам всем расходиться по своим делам, — с этими словами священник уходит переодеваться.

1 апреля в Нельмин-Носе, поселке в тундре, где жил Василий Тайбарей, справляют поминки. В этот день здесь совсем безлюдно: почти все жители ушли к реке на праздник «Варнэ`яля».

Из Нарьян-Мара в Нельмин-Нос можно добраться за 40 минут на вездеходе ТРЭКОЛ[1]. Тут

нет водопровода, канализации и центрального отопления. Чтобы перезимовать, семье из двух-трех человек нужно примерно 16 тонн угля. Магистральный газопровод проходит в 45 километрах. «В поселок вести было невыгодно», — объясняют местные. Большинство тут — пенсионеры, молодые уезжают на заработки в Нарьян-Мар или крупные села.

Дом Тайбареев не новый, но так и не достроенный. Он стоит на самом краю поселка, у обрыва над замерзшей Печорой. Во дворе — металлолом, перевернутые лодки и пустая собачья конура.

— Заходите, конечно, проходите, — приглашает Михаил.

По обе стороны очень длинного стола уже сидят гости: сестры, тети, братья, друзья, дальние родственники и одноклассники убитого солдата.

— Охотник, рыбак. Его можно хоть на Луну, хоть на Марс закинуть. Сволочь, выжил бы. С голода бы не сдох, — причитает отец, усаживаясь на свое место. Перед ним стоит стопка ягодной настойки.

Василий с 2010 года работал машинистом-кочегаром в сельсовете. Как и все местные мужчины, ходил на рыбалку, весной — стрелять гусей и уток, летом и осенью — собирать ягоды и грибы. Где именно он погиб, родным не сказали.

— Он с самого начала ведь хотел туда, на Украину. Он говорил: «Я туда поеду, туда поеду, туда поеду...» — всхлипывает двоюродный брат Василия.

— Ну, он как говорил: «Я обещал другу, Илье Большакову». Он тоже с Нельмин-Носа, — тихо перебивает вдова Тайбарея Виктория. — А я Васе говорю: «Не поздно ведь еще, чтобы не ехал-то». А он говорит: «Не могу, я другу, ну-ка, пообещал, что поеду». Подумает, что я, говорит, струсил. Здесь тоже уже все знают, я уже всем сказал, говорит. Вот они вместе поехали.

Улицы Нельмин-Носа. Фото: Аюна Шагдурова / Медиазона

— Вот это единственный минус, что он в армии не был, военной подготовки у него не было, — вставляет отслуживший одноклассник Василия.

— Вот это, наверное, его в основном сильно угнетало, — соглашается Михаил. — Вот когда уходил-то, говорит: «Я пойду воевать», я ему говорю: «Елки-палки, ты ведь не служил даже». Правда, подготовлен, конечно, конкретно был. Ну, охотник. Готовенький был, как солдат.

На стене в комнате висит огромная православная икона в позолоченной раме, несколько икон поменьше, а чуть выше — черно-белая фотография длинноволосой ненки, бабушки Василия.

— Когда Вася родился, он был самый старший из них всех, — двоюродная сестра погибшего Дина, привстав, указывает на двух сестер Василия и его младшего брата Ярослава. Он один из немногих за столом, кто пьет только чай. — Еще была жива наша бабушка. И бабушка только на ненецком... Вася русский не понимал, когда был маленький. И дядя Миша только на ненецком разговаривает дома, когда вот сами, между собой. Мама покойная у него тоже ненецкий очень хорошо знала. Поэтому Вася на ненецком с детства разговаривал.

Приносят семейный альбом: маленький Вася с отцом, Вася со старшей сестрой, Вася за компьютером с другом и наконец совсем свежий снимок — младший сын Василия Леня. Он очень похож на отца.

— Трое детей осталось... Самому младшему годик 24 марта исполнился, — говорит Виктория. — Старшей

девочке семь, в этом году уже в школу пойдет. Среднему — мальчик — два года... Постоянно говорил: «Это ж мой сын» — про самого маленького-то, «Где мой сын», да...

Последний раз близкие разговаривали с Василием 26 февраля. После этого на связь он не выходил.

— Ну я-то слышу, свист пуль, что-то там грохочет — не то мины, не то снаряды, — вспоминает Михаил. — Я говорю: «Ты, самое главное, живым постарайся вернуться там».

— А мне тоже звонил, — вставляет Вика. — И говорит: «Дай твоей маме трубку». Я же ненецкий не понимаю-[2]. И по-ненецки сказал: «Завтра идем в бой». Мама мне передала, я потом папе.

— Я же тоже болтал с ним, — подхватывает кто-то из родственников. — Голос был такой, встревоженный, что ли. Я говорю: «Как наши?». Он говорит: «Вообще до фига наших-то положили». Но он сказал, их больше...

— А, их, их-то?.. Ну правильно, их нужно пачками ложить. Нечего их жалеть, — поддерживает Михаил.

— Скорее бы закончилось все это, — вздыхает одноклассник Василия.

— Да-да, скорее бы уж, что ли. Я вот только одного не могу понять: чего они так долго нянькаются, блин? — злится Михаил. — Взяли бы, все к чертям разбомбили там — станции, заводы, дороги, все аэропорты...

— Папа, папа, сейчас про Ваську же говорим. Зачем это все, зачем туда лезешь-то? — успокаивает его дочь.

Теперь все за столом говорят наперебой:

— Потому что была бы поддержка, получается, вот этого всего. Получается, государству как будто наплевать на нас, на своих бойцов...

— Мне кажется, они тянут... Кинули их на мясо там.

— Так вы про Васю, про Васю!

— Так его ведь тоже туда, считай, на мясо выкинули.

— Так вы про Васю, какой он был...

— Веселый, веселый. Шутки у него всегда смешные были. Черный юмор.

Тут женщины начинают разливать по тарелкам бульон из оленины, мужчины встают и уходят курить, а Ярослав заваривает себе очередную кружку чая.

Детское фото Василия Тайбарея. Фото: семейный архив

Василий служил снайпером. Михаил признается, что очень этого хотел, думал, что так безопаснее.

— Ты хоть не совсем на передовой будешь. А так ты пехоту прикроешь, от тебя много больше пользы будет, — вспоминает он, как наставлял сына.

— Потому что офицеры ненецкой национальности, якуты — они любят таких в снайпера брать, потому что стреляют хорошо, — объясняет одноклассник Василия.

О его гибели близким сообщил Илья Большаков — тот самый друг, что уговорил Тайбарея пойти на войну. Сам он получил контузию, но после госпиталя вернулся на фронт. На похороны Василия его не отпустили.

Похоронами Михаил остался доволен.

— Все было сделано на высшем уровне. Администрация, военкомат, церковь, батюшка отпел. Столько народу пришло, я не могу, мне-то приятно, слава богу, сынка мой не зря свою жизнь отдал. Все идут, идут нескончаемые потоки, — вздыхает он. — Он, по большому счету, если так посмотреть, действительно герой. Во-первых, он не служил. Во-вторых, он сам пошел. В-третьих, повоевать успел... «А как я буду воевать?». Назад оглянись, говорю ему. Позади тебя Нельмин-Нос находится, не вздумай отступать. А в-четвертых, погиб... Я знаю, парень-то мужественный был.

— Я вообще не понимаю, как он решился на все это... — бормочет двоюродный брат Василия.

— Да в новостях же постоянно смотрим, че на Донбассе, че эти хохлы так оборзели, людей-то убивают... — Михаил закусывает.

— Он последнее время постоянно смотрел новости эти, про Украину. Каждый день он мог смотреть эти программы, — шепчет Виктория.

— Он мне позвонил, говорит, надо ехать. Я говорю: «Ку-у-уда?». Он мне говорит: «Все будет нормально. Я приеду»... Не получилось, — всхлипывает двоюродный брат погибшего. — Все вроде боятся идти. А он: «Я пойду». Сам, первый. Жалко! Поэтому, наверное, и умер...

Женщины начинают мыть посуду, мужчины предлагают подвезти на снегоходе к реке, где в честь праздника поставили чум с угощениями и музыкой. Двоюродная сестра Василия Дина на прощание благодарит корреспондентку «Медиазоны», что «послушала про Васю».

— У меня сын недавно срочную отслужил, ему 21 год, — внезапно признается она. — Вот, говорят, скоро будет мобилизация... Ну, что делать. Побежит — посадят.

«Люди вынуждены идти». Мобилизация — для бедных

Ненецкий автономный округ — самый безлюдный регион России: население 41 тысяча человек и всего

один город на территории в четыре раза больше Московской области.

Когда 1 ноября губернатор НАО Юрий Бездудный объявил о завершении «частичной» мобилизации, он не уточнил, сколько мужчин она коснулась, но отметил, что округ отличает «большое количество добровольцев».

Гонки на оленьих упряжках на празднике «Варѐяля» («Вороний день») в Нельмин-Носе. Фото: Аюна Шагдурова / Медиазона

24 марта глава местной ветеранской организации «Щит» Андрей Ружников, комментируя пост о гибели земляка во «ВКонтакте», написал, что сейчас в зоне боевых действий «более 180 бойцов из НАО». По его словам, 24 из них уже погибли.

Согласно собственным подсчетам «Медиазоны», на момент публикации этого текста погибли как минимум 29 военных из НАО, их имена известны по открытым источникам. Примерно половина из них — представители коренных малочисленных народов, говорит редактор сайта «Россия коренных народов» Дмитрий Бережков, ознакомившийся со списком погибших.

Он считает, что непропорционально большая доля ненцев среди убитых не случайность.

«Отвечать за мобилизацию вроде бы военкоматы должны, но все эти списки готовят органы власти.

Потому что мобилизационная система расхлябана и у Министерства обороны нет этих списков. Власти просто давали в первую очередь безработных, — рассуждает Бережков. — Ну, потому что если работник уходит с села, это минус налоги. А безработные как раз это в большинстве своем коренные малочисленные народы. Они рыбаки, охотники. Их кормят река или лес. Но официально они числятся безработными. Вот их и сплавляют Министерству обороны».

С Бережковым согласен бывший директор Фонда саамского наследия и развития Андрей Данилов: «На данный момент я вижу, что забирают тех, кто стоял на бирже труда. То есть те, кто работает там в совхозе или в колхозе, их не забирали. Вот почти сто процентов — этот вот состав».

Сам Данилов, активист из коренного финно-угорского народа саами, покинул Россию вскоре после начала войны. Правозащитник считает, что число добровольцев в НАО напрямую связано с уровнем жизни.

Жители поселка отапливают дома углем. Магистральный газопровод проходит в 45 километрах от Нельмин-Носа. Фото: Аюна Шагдурова / Медиазона

«Чем беднее регион, тем больше призыва организованного. Потому что люди вынуждены идти. Здесь, помимо самой мобилизации, где повестки выдают, еще добровольцы уходят. Чем меньше поселок, чем отдаленнее, тем больше агитация и

пропаганда имеют значение. То есть люди сидят и просто ждут повестки в военкоматы», — рассказывает Данилов.

«Они сами так считают, что уходят добровольно, — добавляет Бережков. — Но часто это связано с тем, что они поставлены в очень тяжелое экономическое положение и считают, что вот с помощью этого они смогут заработать денег, прокормить семью или закрыть какие-то долги».

Редактор «России коренных народов» уверен, что если бы добровольцы знали, что в реальности происходит на фронте, то у «90% поменялась бы точка зрения».

«Хорошего, цельного, улыбчивого мальчика отправили, а вернулся растерзанный». Дмитрий

В НАО всего два газифицированных поселка, и Красное в часе езды от Нарьян-Мара — один из них. Тут работают два колхоза[3], есть пара продуктовых, дом культуры и библиотека. В магазине пожилая ненка несет на кассу кусок оленины. «Так, 457 рублей», — продавщица открывает журнал и записывает сумму долга. В конце месяца бухгалтерия колхоза вычтет ее из зарплаты.

По поселку тяжело пройти из-за высоких сугробов. Мужчина молча тащит по улице сани-водовозку, за ним семенит жена. «Это мы уже второй раз идем», — говорит она. Вода в Красном — «по талонам»: чтобы наполнить бочки, на колонке нужно прикладывать магнитную карту.

Житель села Красное идет за водой. Фото: Аюна Шагдурова / Медиазона

Здесь родился и вырос Дмитрий Тайбарей — дальний родственник Василия из Нельмин-Носа. Он же в 26 лет стал первым наемником из НАО, погибшим в составе «ЧВК Вагнера».

После армии (Дмитрий служил по контракту) он работал в семейной мастерской «Тэмбойко» — вместе с сестрами и матерью шил одежду, обувь, амулеты и барабаны из оленьих шкур. Его старшая сестра Лиля рассказывает, что он учился у опытного мастера из Сыктывкара, а теперь семья осталось без работника — «нету маленького Димочки».

В июле 2022 года Тайбарей получил четыре года колонии по статье об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью с применением оружия[4].

. В суде он признал вину, но давать показания отказался. Лиля почти уверена в невиновности брата, по ее словам, до тюрьмы Дмитрия довели «дурная компания и халатность следователей».

«Весной, когда началась спецоперация, он очень плакал, говорил: "Лиль, ты представляешь, мои там ребята, где я служил, весь дивизион, все погибли вместе с командиром", — вспоминает она. — Говорит: "Я тоже должен был с ними там быть". Я была хоть совершенно спокойна, что его посадили. Я ему говорю: "Дима, никуда не дергайся. Четыре года дали — два отсидишь. Все можно исправить, пока мы живы, все можно исправить. Я ведь всегда рядом"».

Лиля считает, что брату на гражданке не хватало «внутреннего боевого братства». Он хотел избавиться от «клейма» заключенного, а вербовщики обещали, что через полгода можно будет вернуться домой.

«Сказали, что Дима погиб сразу же, даже не понял, что погиб. Осколочное ранение. Но там они всегда пишут: "осколочное ранение"», — говорит Лиля, промокая глаза бумажными салфетками.

На похоронах гроб был закрытый, тело брата она не видела: «Дяденька из Москвы позвонил, сказал: "Ни в коем случае не смотрите"».

«Я, наверное, умерла бы после этого, честно. Я как страус, просто запихала голову в песок. Ну, похоронили, да... Надо было посмотреть. Ну мы ведь не знаем, вдруг истерзанное тело было бы... Как маме это увидеть все? Такого хорошего, цельного, улыбчивого мальчика отправили, а вернулся... Господи, растерзанный, что ли...» — всхлипывает Лиля.

Салфетки кончаются, она пробирается к шкафу, шуршит упаковкой и достает новую пачку.

«Он еще почему пошел — он хотел нам помочь, семье. Говорил: "Я вот как раз полгода отработаю, и будут какие-то деньги. И заодно я быстрее домой приеду. Я ищу разные пути быстрее домой попасть"», — вспоминает Лиля.

Реклама военной службы по контракту на здании МФЦ в селе Красное. Фото: Аюна Шагдурова / Медиазона

Семья Тайбареев с их мастерской — редкий пример ненцев, которые живут за счет традиционных ремесел.

«Мне говорят... Я ненка, да? Говорят, что мы оборзевшие, что у нас льготы. Ну, может, у оленеводов там какие-то и были, но у нас не-а, — рассуждает Лиля. — По идее, их не должны брать, коренных-то, малочисленных-то. Хотя они сами идут, так-то. Только оленеводов не берут».

Ненцы как представители малочисленного народа действительно имеют право[5] на альтернативную службу, но с оговоркой: это касается не всех мужчин, а только «ведущих традиционный образ жизни, осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность и занимающихся традиционными промыслами малочисленных народов».

О том, что оленеводы не подлежат мобилизации, 11 октября сообщила администрация НАО. Инициатива исходила от губернатора округа, говорит Дмитрий Бережков.

Выплатами за погибшего брата Лиля не интересовалась. Сотрудники местной ветеранской организации «Щит» сами связались с ней и пообещали, что деньги будут. Но позже перезвонили — «нет, вам не положено», вспоминает она. Потом в дело вмешался сам глава «Щита» Андрей Ружников, он сказал, что компенсацию все-таки дадут.

«Я понимаю, что дело-то не в деньгах. Но если так уж произошло, пусть мы все будем на одинаковых условиях. Было изначально очень обидно вот это непонимание: "А, этот сидевший"», — говорит Лиля.

Семья Тайбареев в мастерской «Тэмбойко». Фото: Аюна Шагдурова / Медиазона

Она гордится, что «по сравнению с другими ребятами» брата похоронили с почестями, хотя и признается: добиться этого от представителей «ЧВК Вагнера» было непросто. «Если будете мямлить, просто на Аллее Славы где-то в Москве похоронят», — наставляет она теперь вдов других наемников.

Лиля до сих пор недоумевает, кто позволил Евгению Пригожину вербовать заключенных, но уверена, что многие хотят попасть в «ЧВК Вагнера», потому что «у них там порядок».

«Я все эти разговоры веду, чтобы успокоить себя. Может, он кушать хотел, может, холодно было ему... Может, у него ангина была. У него постоянно был хриплый голос, — она закрывает лицо руками, но тут же вскакивает с места и предлагает попить чаю. — Только при мамочке не будем об этом говорить, ладно?».

«Думали, попал в плен. Оказалось, запил». Андрей

До прошлого года в селе Красное охранником на ферме работал 50-летний Андрей Чернов[6].

Весной 2022 года он пошел добровольцем, воевал в составе отряда БАРС-18[7], потом получил контузию

под Красным Лиманом, лежал в госпитале, хотел вернуться в БАРС, но попал под указ о мобилизации.

«Я самый первый человек [из Красного], который уехал на войну, кстати, — говорит он. — Некоторые уехали, но там где-то в учебке были. А я-то сразу».

Чернов называет себя «обстрелянным» и говорит, что «прошел ад» — бои под Красным Лиманом.

«У нас там был негласный приказ: хохлов не брать в плен, это не люди», — вспоминает он.

С дядей Чернова корреспондентка «Медиазоны» познакомилась в Нельмин-Носе — пожилой ненец представился дядей Ваней и сходу пригласил к столу.

«Да вот эта Европа-то одно поколение создала таким вот, плохим, — рассуждал тогда дядя Ваня. — Два братских народа друг друга уничтожают, считай что. Просто Европа как-то ухитрилась... Молодежь начала обучать фашизму, представляешь? И уже в среднем возрасте — 30–40 лет, они большие, мозги закомпостированы так, что они Россию ненавидят, своих людей даже ненавидят, украинцев, которые мирно хотят жить. Им даже собственной жизни не жалко, чтобы против России воевать!».

Обратно на улицу корреспондентку «Медиазоны» дядя Ваня выпустил только при условии, что она возьмет новенькие пробковые сапоги: «Ты в своих замерзнешь, вон насквозь ноги промокли».

Дядя Ваня в своем гараже. Фото: Аюна Шагдурова / Медиазона

Сейчас Чернов снова на фронте, и связь с ним то и дело прерывается: «Ну давай, потом позвоню... Убираю телефон... Нужно в домик раньше проверки... Пора на пост».

По словам мобилизованного, он в основном стоит в карауле — после контузии постоянно болит голова, но домой его не отпускают, хотя и прописали какие-то

уколы. Комиссовать, говорит Чернов, могут, только если ты «безногий, безрукий или "двухсотый"[8]».

Он охотно присылает фотографии, хотя и говорит, что это строго-настрого запрещено, а командиры требуют, чтобы бойцы удаляли *WhatsApp*. Солдаты звонят в Россию по тарифу 6 рублей за минуту, пользуются мессенджером «ВКонтакте» или *Telegram*-. Одна из фотографий Чернова — с «ребятами» из добровольческого батальона. Многие из них уже погибли, некоторые — у него на глазах, утверждает он.

«Хотел во второй раз добровольцем в БАРС, но попал по мобилизации, сунули в военкомате повестку. Писал два рапорта на перевод», — жалуется Чернов.

На улицах Красного. Фото: Аюна Шагдурова / Медиазона

В батальоне БАРС, сравнивает он, было проще: «Работу делаешь — приезжаешь отдыхать».

«Тут, считай, ты идешь туда, где окопы. Они[9] видят, что народ собирается, и по нам лупят. А мы убегаем, как мыши, ахахахах», — пишет Чернов.

Недавно у него нашли глаукому — только сейчас, спустя год войны. Перед отправкой в отряд БАРС медкомиссии не было, но ни в ростовском госпитале, где он лежал после контузии, ни при мобилизации

осенью врачи никаких проблем со зрением не заметили, рассказывает Чернов.

«Мы были мясо. Нас кидали в пекло», — снова вспоминает он бои под Красным Лиманом. По его словам, Росгвардию и подразделения из самопровозглашенных ЛНР и ДНР командиры тогда берегли, а «в расход» отправляли штурмовиков «ЧВК Вагнера» и добровольцев.

«Странная война», — хрипло смеется Чернов и не отвечает на вопрос, зачем же он записался в БАРС.

В Красном живет его старшая сестра Марина[10], неразговорчивая пожилая ненка.

«Помню, он как-то пропал, не выходил на связь, ага. Думали, попал в плен, что ли. Искали. Оказалось, запил. Его в части тоже искали, ага. Его тогда оштрафовали, наказали, чтобы окопы рыл», — вспоминает она.

В Красном «все пьющие», соглашается Чернов. Марина подтверждает: все ее братья пили.

«Один застрелился, тоже че-то пил. Второй утонул. Потом третий тоже, по пьяни тоже повесился. А четвертый опять утонул. Ну пьяные, ага», — вздыхает она.

Сквер в селе Красное. Фото: Аюна Шагдурова / Медиазона

По ее словам, Андрей тоже любит выпить.

«Я, говорит, тут сопьюсь. Не может, наверное, после похорон мамы. Тяжело так. Он еще до этого кодированный был. Но ему тяжело было», — объясняет сестра мобилизованного.

Мать похоронили в сентябре, а в октябре Чернов во второй раз ушел на войну. В Красном он жил в доме тещи: бывшая жена с матерью после развода уехала в город.

«Живет, пока не попрут», — объясняет Марина. Компенсацию за контузию Чернов хотел потратить на собственное жилье.

Сейчас он говорит, что устал от войны: «Главное — поддерживать ребят, все домой хотят, надоело все».

Редакторы: Мария Климова, Дмитрий Ткачев

---

1. Повсеместно распространенная на российском Севере марка вездеходов. Их выпускает одноименная компания из Люберец, название представляет собой аббревиатуру: «ТРанспорт ЭКОЛогический».
2. Среди коренных народов Сибири и Дальнего Востока это не редкость. В России около 50 тысяч ненцев, из них только около 22 тысяч знают родной язык.
3. Официально эти предприятия называются аббревиатурой СПК, сельскохозяйственный производственный кооператив.
4. Пункт «з» части 2 статьи 111 УК.
5. Согласно федеральному закону № 82 «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации».
6. Имя изменено.

7. Боевой армейский резерв страны — добровольческая структура при Минобороны; военкоматы начали формировать такие отряды еще в августе 2021 года. Статус бойцов БАРС остается неопределенным, формально они не считаются военнослужащими.
8. Убитый.
9. Украинцы.
10. Имя изменено.